

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.331)''18/19''+281.93

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.018–037

«Заложенная на песке»¹: Кашинская духовная семинария Тверской епархии в 1913–1918 гг. по документам РГИА и ГАТО (часть 2)²

Т.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

На документах фондов Учебного комитета и обер-прокурора Св. Синода (Российский государственный исторический архив, РГИА), журналов заседаний и представлений педагогических собраний Тверской духовной семинарии, делопроизводственной переписки, журналов и протоколов епархиальных съездов тверского духовенства и церковных старост (Государственный архив Тверской области, ГАТО), публикаций «Тверских епархиальных ведомостей» в хронологическом порядке восстанавливается деятельность Кашинской духовной семинарии – второй в Тверской епархии. Показана роль тверских архиепископов и тверского духовенства в становлении нового учебного заведения, особенности организации учебного процесса, устройство быта семинаристов. В историографии данная тема не нашла отражения, значительная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: *Тверская епархия, Кашин, Кашинская духовная семинария, Тверская духовная семинария, архиепископ Антоний (Каржавин), архиепископ Серафим (Чичагов), Св. Синод, купцы Вончаковы.*

Открытие. 31 августа 1913 г. в присутствии высоких гостей в Кашине состоялось долгожданное открытие семинарии. На традиционный молебен, которым открывалось это важнейшее не только для провинциального города, но и епархии событие прибыли вице-губернатор Ф.Ф. Чернецов, городской голова А.П. Дорогутин, ректор тверской семинарии архимандрит Ювеналий (Машковский), почетный гражданин Кашина, член Государственного Совета Б.В. Штюмер, представители духовенства, горожане. Приветствия в адрес собравшихся пришли от обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, архиепископа Тверского и Кашинского Антония (Каржавина), бывшего епархиального владыки Алексия (Опоцкого), правления Краснохолмского духовного

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 159.

² Продолжение. Часть I. см. Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2024. Вып. 4. С. 43–58.

училища, уездных городов Тверской губернии и др.³ Ректор Тверской духовной семинарии далее – ТДС) торжественно огласил указ Св. Синода от 4 мая 1913 г., согласно которому 1 сентября начались занятия для первого класса богословов, и список первых 38 учеников.

За неимением собственного помещения, специально сформированного штата, стабильного финансирования семинария открывалась при Кашинском духовном училище. Это старейшее (1768) училище, удалённое от губернского и епархиального центров и тем более – от столиц, было знаменито своими выпускниками: его окончили известный правовед А.П. Куницын (1783–1840), учитель А.С. Пушкина в Царскосельском лицее; первый православный епископ Америки Иоасаф (Иван Ильич Болотов) и др. Располагалось училище в западной части территории Дмитриевского мужского монастыря⁴. Но изначально было очевидно, что принять дополнительно несколько десятков воспитанников на училищных площадях было невозможно. Из письма епархиального владыки Антония обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру (датировано апрелем 1913 г.) следует, что до окончания строительства классы КДС предполагалось разместить в доме наследников Вончаковых – Ждановых-Рубцовых за 750 руб. в год до 1916 г. – предполагаемого завершения строительства собственного здания. В дальнейшем содержать его предполагалось за счёт оплаты обучения инословных учеников. Перед открытием дом отремонтировали⁵.

Неустроенность нового учебного заведения проявлялась и в организации внутренней жизни. Первое время Кашинская семинария обходилась без ректора, заведование классами поручалось правлению Кашинского духовного училища. На момент открытия – с конца августа до 6 сентября – все обязанности по семинарской части исполнял смотритель духовного училища Лев Соколов. Затем, согласно документации, отложившейся в РГИА, его полномочия перешли помощнику инспектора М.И. Ржепику. Однако достоверно известно, что Ржепик вошёл в штат КДС только 15 сентября 1915 г. Очевидно, что составителем документа допущена техническая ошибка, и Соколов заведовал классами (практически выполняя функции ректора) до 1915 г.⁶ Он же вёл переписку с епархиальными властями и Синодом весь 1915 г. Лишь в преддверии 1916–1917 учебного года архиепископу Серафиму (Чичагову), сменившему в марте 1914 г. архиепископа Антония, удалось выхлопотать назначение «особого лица для исполнения должности ректора с особым окладом». «Ввиду того, что в семинарии появится четвёртый класс» (набор. – *Т.Л.*) Учебный комитет Синода разрешил назначение ректора и кроме того – введение пятой должности преподавателя, повышение окладов секретарю до 900 руб., эконому – до 600 руб., библиотекарю – 180

³ Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1913. № 51. С. 1034; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 1, 41.

⁴ Кириков Б.М. Кашин. Л., 1988. С. 62.

⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178.Л. 93–94 об.

⁶ Там же. Л. 355–357.

руб. и фельдшеру (сумма не указана)⁷. Так с сентября 1916 г. Определением Св. Синода ректором Кашинской духовной семинарии и игуменом Дмитровского монастыря назначили архимандрита Николая (Александра Васильевича Кенарского, 1874–1920), бывшего ректора Волынской духовной семинарии⁸. В сетевых источниках информации (от Википедии до множества сайтов) годом назначения Кенарского на ректорский пост ошибочно значится 1917 г. Однако архимандрит Николай занимал эту должность с 1916 г. до закрытия КДС в 1917–1918 учебном году.

Неудачно складывалась ситуация и с комплектованием преподавательского состава. Ресурсы местного духовного училища были невелики, а для приглашения «предметников», инспекторов, воспитателей и обустройства их быта не хватало средств. Чтобы не допустить сбоев учебного процесса, приходилось совмещать, казалось бы, несовместимое: так, физико-математические науки, логику, психологию преподавал кандидат богословия Николай Лебедев⁹. Преподавателями первого класса семинарии стали Петр Петрович Вышеславцев (алгебра), Александр Соколов, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, вёл теорию словесности, греческий язык, совмещая уроки с должностью воспитателя, Евгений Ельцов и Николай Мозжухин – гражданскую историю и Священное писание, священник Петр Иванович Романовский – пение, новые языки – Варвара Новицкая¹⁰. Практически все состояли в штате Кашинского духовного училища.

О введении ранее рекомендованных Учебным комитетом Св. Синода дисциплин – рисования и живописи (для оценки «правильности» икон), основ медицины и сельского хозяйства, обличения раскола¹¹ – пока даже говорить не приходилось. Возможно ли было в подобных условиях обеспечить качество образования, достаточное не только для последующей службы в приходе, но и для поступления в духовную академию или университет? Соколов пытался укрепить штат преподавателей, но только вмешательство влиятельного в высших церковных кругах архиепископа Серафима (Чичагова) поспособствовало постепенному разрешению этого вопроса.

Одним из первых назначенцев стал уже упомянутый священник с необычной судьбой – Мирон Иванович Ржепик (1885–1937), чех из католической семьи, в 1887 г. присоединившейся к православию. Он появляется в КДС в сентябре 1915 г. переводом из Полтавской епархии, где служил в учительской семинарии, и приступает к исполнению обязанностей помощника

⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 370.

⁸ Церковные ведомости. 1916. № 41. С. 368; ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 43; РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 370.

⁹ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 77.

¹⁰ Там же. Д. 1545. Л. 12–13 об.

¹¹ *Богоявленский В.* Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение. Омск, 1902. С. 46.

инспектора с правом преподавания Священного писания. В 1917 г. по ходатайству тверского архиепископа Ржепика утвердили в должности инспектора¹² (см. таблицу № 1).

Согласно «Списку должностных лиц» по всем духовным учебным заведениям Тверской епархии, высланному в Учебный комитет Синода, в «Классах Кашинской духовной семинарии в Кашинском духовном училище» к началу 1917–1918 учебного года на постоянной основе числились, кроме ректора, 9 штатных преподавателей и помощников инспектора.

Таблица 1.

Список должностных лиц в классах Кашинской духовной семинарии

Фамилия, имя, отчество	Образование	Начало служения в КДС	Окончание служения в КДС	Должность, предметы
Фёдоров Александр Фёдорович	кандидат богословия	с ноября 1914 г.	До закрытия	Предмет не указан
Лебедев Николай Михайлович	кандидат богословия	с августа 1915 г.	До закрытия	Логика, психология.
Ржепик Мирон Иванович		с сентября 1915 г.	До закрытия	Священное писание, помощник инспектора, инспектор (1917).
Завьялов Петр Александрович	кандидат богословия	с сентября 1915 г.	До закрытия	Предмет не указан.
Воронович Иосиф (отчество не указано – Т.Л.),	кандидат богословия (из Киевской духовной академии)	с ноября 1915 г.		Помощник инспектора.
Николай (Васильевич) Кенарский, архимандрит	кандидат богословия	22 сентября 1916 г.	До закрытия	Ректор.
Лебедев Николай Михайлович	кандидат богословия	с октября 1916 г.	До закрытия	Математика.
Беляев Петр Алексеевич	кандидат богословия	с 6 октября 1916 г.	До закрытия	Психология. Философия. Логика.
Голиков Александр Михайлович	студент духовной семинарии	с марта 1917 г.	До закрытия	Предмет не указан. Помощник инспектора.

Составлено по: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 724. 334–335; Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 330.

¹² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 162.

В марте 1917 г. с Учебным комитетом Синода удалось согласовать введение должностей духовника семинарии и преподавателя еврейского языка¹³, но по известным причинам назначения не состоялись.

Хозяйство и финансы. Уже в начале первого учебного года обнаружилось затруднение с обустройством семинарского хозяйства. Обещанный тверской семинарией инвентарь, мебель, постельное белье для общежития, парты для классов не поступили, а приобрести необходимое было не на что. Пришлось выходить из положения, направляя семинаристов на квартиры или к родственникам¹⁴. Обещанные дотации от монастырей тоже не поступали, свечной завод отчислял средства на семь духовных училищ и тверскую семинарию. Словом, денег не было даже на выплату жалованья преподавателям. Единственным существенным вкладом оказались 7 стипендий, которые открыли для студентов первого набора из средств ТДС, 5 из них предназначались для сирот¹⁵. Отметим, что в дальнейшем Учебный комитет Св. Синода, учитывая бедственное финансовое положение КДС, понемногу увеличивал количество мест со стипендиями для сирот и беднейших воспитанников до тридцати в 1915 г., на 1917–1918 г. одобрили 44 стипендии по 115 руб. каждая¹⁶.

По окончании первого учебного года на неотложные нужды семинарии требовалось 6 тыс. руб. Правление КДС вновь обратилось за помощью к епархиальному съезду духовенства и вновь получило отказ. Епархия могла финансировать только тверскую семинарию. Пришлось направить родителям и попечителям воспитанников просьбу снабдить их провиантом, одеждой, книгами для внеклассного чтения¹⁷.

Следует отметить, что ученические библиотеки были одной из насущных потребностей духовных учебных заведений, их рассматривали как «лучшее вспомогательное средство для достижения целей образования. Своей библиотеки в семинарии не было, и о выделении средств на приобретение книг не могло быть и речи. Однако выход нашелся. Помимо того, что в храмах города стали проводить кружечные сборы на книги, учебники и журналы, во все духовные школы России, в крупные издательства, склады научной и духовной литературы и лично к авторам рассылались письма с просьбой выслать книги в дар¹⁸. И это начинание оказалось более чем успешным. Со временем посылки в Кашин пошли потоком: книжный магазин Тузова из Петербурга прислал пять пакетов (в описи значились произведения В.Г. Белинского в 4 томах, Н.Г. Помяловского, И.-В. Гете, В.В. Вересаева и др.). Из Ставропольской семинарии и канцелярии архиепископа при-

¹³ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 83.

¹⁴ Там же. Д. 1545. Л. 14 об., 18, 38, 66, 87; Архивный отдел Администрации Кашинского муниципального округа. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–15.

¹⁵ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 85.

¹⁶ Там же. Д. 1552. Л. 148.; Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 344.

¹⁷ Там же. Д. 1299. Л. 6; ТЕВ. 1913. № 33. С. 357.

¹⁸ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 126–127.

слали богословскую литературу, 75 экземпляров философских и богословских изданий были направлены в Кашин из Киевской духовной академии. Постепенно проблемами семинарии проникались и представители духовенства и посильно жертвовали на приобретение книг¹⁹. Чтобы расширить круг жертвователей, правление КДС обратились к епархиальному руководству с предложением разделить епархию на специальные семинарские округа, чтобы духовенство считало семинарии «своими» и охотнее помогало содержать их²⁰. Но до реализации инициативы дело не дошло.

Хлопоты, связанные с обустройством кашинской семинарии, буквально обрушились на нового архиерея и стали едва ли не главным делом начального этапа пребывания в Тверской епархии. Обнаружив, что денег для обеспечения учебного процесса попросту нет, он пытается разобраться в финансовых делах семинарии и вступает в переписку с чиновниками Св. Синода и обер-прокурором В.К. Саблером. Она пестрит пересказами истории с «вончаковскими капиталами», перипетиями переговоров тверского духовенства с городскими властями Кашина и тогдашним руководством Синода и обер-прокуратуры (см.: *Леонтьева Т.Г.* Кашинская духовная семинария Тверской епархии: история открытия и деятельности по документам РГИА и ГАТО // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2024. Вып. 4. С. 43–58).

И (как будто не было дебатов предшествующих лет десяти) в конце мая 1914 г. вопрос обустройства быта семинарии в Кашине выносится на училищный съезд духовенства. Правление Кашинского духовного училища, на долю которого выпали основные тяготы по обустройству КДС, просило депутатов о выделении хотя бы единовременного пособия на покрытие имеющихся долгов. Но, как и ранее, ссылаясь на недостаток средств, они отклонили ходатайство Правления Кашинского духовного училища. Так же поступили бежецкие и краснохолмские депутаты съездов училищных округов²¹.

Однако следует признать, что отказ от выплат на содержание кашинской семинарии в сложившихся обстоятельствах был вполне мотивированным. После издания закона 12 июля 1913 г. об отмене платы за обучение для детей всех сословий в духовных училищах обнаружился значительный приток малоимущих, в том числе иносословных, абитуриентов: так в ТвДУ оказались 41 % детей крестьян, мещан и чиновников, в Осташковском – 40 %, в Бежецком – 30 %, Краснохолмском – 27 %, Кашинском и Новоторжском – 25 %, Старицком – 23 %. В ТДС они составили 11 %²². Финансирование при этом существенно не изменилось, и главным источником оставались пресловутые «местные средства».

Человек прагматических и решительных действий, Серафим потребовал разъяснений от тех, кто стоял у истоков «семинарской истории», и к

¹⁹ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1542. Л. 76, 98, 139; Д. 1552. Л. 68, 70.

²⁰ Там же. Д. 1545. Л. 177.

²¹ ТЕВ. 1914. № 30 (июнь). С. 582; 1914. № 47. С. 772.

²² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3231. Л. 4 об.

июлю 1914 г. один из активных её фигурантов (смотритель кашинского духовного училища) подготовил обстоятельную записку «Об экономическом положении Кашинской духовной семинарии», где среди прочего упоминал о некоем «деликатном вопросе», связанном с деятельностью бывшего архипастыря²³. Этот документ и комментарии Серафима направили в Учебный комитет Синода, надеясь на разъяснения, проводить ли второй набор.

Синод отреагировал: КДС перевели на баланс КДУ, который поддерживался за счёт епархиальной «копилки». Второй набор тоже провели, хотя из Синода поступили только 1800 руб. на жалованье преподавателям, а недостающие средства опять предложили изыскать в епархии²⁴.

В ответ в сентябре 1914 г. Серафим обескуражил канцелярию обер-прокурора заявлением, что открытие семинарии и начало строительства нового здания состоялись преждевременно без «достаточной проработки» (!) и согласия духовенства. Ссылаясь на первое постановление епархиального съезда 1908 г., он напоминал синодальным чиновникам, что епархиальное духовенство ответило полным согласием на открытие новой семинарии, но полным отказом взять на себя её обустройство и содержание. В итоге – решение об открытии было принято единолично архиепископом Антонием, неспособным сопротивляться давлению (?) со стороны Св. Синода. Длинной цитатой представим аргументы Серафима: «Сам владыка Антоний облюбовал место для устройства семинарии, сам составил план и смету на ее устройство, избрал дом для временного помещения семинарии, сам составил приходорасходную смету по содержанию ее на 1913–1914 учебный год»²⁵. Покойный Антоний, по высказыванию Серафима, – «первая жертва этого дела», пошёл на риск ради «исполнения начатого предприятия», семинария оказалась «заложеной на песке»: денег на её обустройство выделили настолько мало (5845 руб. вместо ожидаемых 13 213 руб.), что пришлось переиначить проект уже строящегося здания. Более того, обнаружились запреты Антония на передачу имущества из ТДС в КДС²⁶! Получалось, архиепископ ввёл в заблуждение Синод (!), и последняя оказалась «частным учебным заведением, содержащимся исключительно на частные жертвы экономического управления Архиерейского дома и монастырей»²⁷.

Стараясь быть объективным, Серафим отмечал, что по определению ТДС не могла стать «донором» открывающейся в 1913 г. кашинской семинарии, поскольку на содержание даже губернского учебного заведения (ТДС) не хватало 7 236 р. на покрытие текущих расходов, на следующий год требовалось уже 18 625 руб., но они не поступили ни от духовенства, ни из государственного казначейства, плюс требовалось 85 тыс. руб. на строительство. А имущество тверской семинарии настолько ветхое, что дешевле купить новое, чем перевозить его. Резюме архиепископа прозвучало резко и

²³ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 57.

²⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 222 об.

²⁵ Там же. Л. 159.

²⁶ Там же. Л. 223.

²⁷ Там же. Л. 159–161.

неожиданно: закрыть КДС и вместо неё открыть частную гимназию, а строящееся здание передать духовному училищу²⁸.

Вслед за этим архиепископ Серафим обращается уже к обер-прокурору В.К. Саблеру с предложением упразднить кашинский Дмитровский монастырь ввиду его малочисленности (10 насельников), слабой финансовой обеспеченности и «весьма худого богослужения»²⁹. К тому же с началом строительства здания семинарии последний и вовсе оказался в неподобающих монастырскому порядку условиях: утратил значительную часть территории и «приобрел» шумное соседство³⁰. Тем самым появилась бы возможность использовать площади монастыря для обустройства семинарии, если она сохранит свой статус, и облегчить тем самым положение духовного училища.

Но время шло, а вопрос не решался. В декабре 1914 г. Серафим вновь обращается в Синод, категорично напоминая: то, что КДС «прожила» 1914 г. «без смуты» – случайность. Опираясь на опыт управления в четырех епархиях, он заключал: «Тверская епархия исключительно бедная, неустроенная, запущенная и скажу откровенно забытая», «... денег и на жалованье преподавателей КДС в епархии нет, тверской архиерейский дом весь в долгах и судится с московским домом. Монастырей мало и они тоже нуждаются, с церковей взимается до 80 % налога, и каждый пастырь платит из собственных средств 100 руб. на нужды епархии». В этом послании он предлагал провести ревизию всех училищ и закрыть уже два наиболее слабых из них. При этом могущественный архиерей признавался: «... этот вопрос мне одному разрешить непосильно, так как Тверское духовенство имело прежде в каждом уезде своё духовное училище и упорно держится этого желания до ныне, не обладая вообще широким кругозором и способностью возвышаться до нужд и стремлений всей епархии»³¹. На одной позиции с Серафимом стоял и ректор ТДС митрополит Вениамин (Федченков), но оба отдавали себе отчёт в том, что первый же епархиальный съезд отвергнет любое предложение о переводе свободных средств (если таковые найдутся) на обустройство КДС³².

В Тверь прибыл уже известный ревизор Савваитский, итоги ревизии не сообщили и решение не приняли. В епархии для экономии средств отказались от содержания епархиального миссионера, ожидаемого открытия школы псаломщиков и планируемого строительства свечного завода³³. По мнению Серафима – это губительные меры, но других вариантов попросту не было. К тому же в условиях военных действий тверские монастыри, храмы и даже некоторые священники на собственные средства открывали лазареты и приюты для раненых и увечных воинов, направляли пожертвования в столичные благотворительные учреждения (см. подробнее: *Леонтьева Т.Г.* Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны //

²⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 210–214 об.

²⁹ Там же. Л. 143.

³⁰ Там же. Л. 143 об.

³¹ Там же. Л. 272–272 об.

³² Там же. Л. 275–280.

³³ Там же. Л. 224.

Российская история. 2023. № 4. С. 153–164), и упрекать их в равнодушии к проблемам духовного образования нет оснований. При этом добиться осознанной поддержки от Синода тоже не удавалось.

Но тверские не сдавались. Уже в начале 1915 г. в Петербург летит представление смотрителя КДУ Соколова о «громадном непоступлении [средств] на содержание семинарии» и долге на 1 января 1915 г. в 989 р. 11 к. с откровенным признанием: семинария в первый же год обанкротилась. Но, в отличие от архиепископа, он предлагал закрыть общежитие и просил особого ассигнования³⁴.

В марте 1915 г. Серафим, минуя Учебный комитет, напрямую обращается в Хозяйственное управление Синода к заместителю директора А.А. Осецкому. Уже более резко он отзывался об Антонии, отмечая, что никакая епархия и особенно «бедное тверское духовенство не в силах содержать двух женских училищ. Никакая богатая епархия не может выдержать затрат на две семинарии... при церковных сборах на семь училищ». В очередной раз пересказывая, что сотворил его предшественник, задается вопросом: как мог все это пропустить Хозяйственный комитет Синода³⁵. Ответ на это послание не обнаружен, да и был ли он?

В мае 1915 г. Соколов вновь пишет в Хозяйственное управление Синода: «семинария живет в долг» и не в состоянии заплатить даже 99 руб. за дрова³⁶. В ноябре 1915 г. этот долг покрыли. Но где же было взять еще 13 тыс. руб., которые дополнительно требовали подрядчики на строительство здания семинарии? Серафим просил обер-прокурора Саблера выделить хотя бы половину³⁷.

В июне 1915 г. наконец-то все ходатайства из Кашина и Твери рассмотрели в Учебном комитете Синода. По итогам обсуждения появилось официальное письмо в Хозяйственное управление, где предлагалось перевести средства, отпускаемые из государственного казначейства на строительство здания КДС, на иные её нужды. Не имея гарантий по выполнению этой рекомендации, в Кашине решили всё же провести набор на 1914–1915 учебный год. Лишь 24 августа 1915 г. последовало Определение Св. Синода объявить в «Церковном вестнике» и «Церковных ведомостях» об открытии второй семинарии в Тверской епархии³⁸, что на деле означало изменение/повышение статуса классов семинарии при Кашинском духовном училище и решение перевести их в еще недостроенное, но собственное здание. Новую (де-юре) семинарию щедро одарили: оплатили приобретение новой мебели (парты, доски, стулья, шкафы, вешалки, кафедры) в классные комнаты и помещения для персонала³⁹.

³⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 187–188.

³⁵ Там же. Л. 222

³⁶ Там же. Л. 265.

³⁷ Там же. Л. 246.

³⁸ Там же. Л. 321

³⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 341–343.

Тем не менее проблемы оставались: с увеличением контингента требовались новые должности преподавателей и инспекторов, канцелярские товары, учебники и т. п.⁴⁰ Архиепископ Серафим, приглашённый в 1915 г. к участию в работе зимней сессии Св. Синода, а в феврале 1916 г. избранный в Государственный совет от монашеского духовенства⁴¹, старался использовать свой авторитет и связи в Петербурге для изыскания дополнительных средств, но в условиях военного времени это было практически невозможно.

Сложности военного периода ощущались и в Кашине. Даже семинаристам пришлось потесниться: в помещениях вновь отстроенного здания в 1916 г. временно разместили военнопленных офицеров с прислугой (100 чел.), взяв на себя половину расходов за отопление⁴². За комфортное проживание «благодарные» пленники буквально разнесли его: до безобразия захлестили комнаты, гвоздями изрыли штукатурку на стенах, выбили стекла, сорвали с петель двери, сломали оборудование кухни и санузлов, от чего выгребная яма растеклась, залила не только двор, но и монастырский пруд. Нанесённый ущерб оценивался крупной суммой, только для приведения здания в порядок требовалось более 3 тыс. руб. Усугубил ситуацию отказ администрации кашинского курорта подавать в семинарию электроэнергию⁴³.

В 1916 г. КДС буквально лихорадили текущие события. Из Твери сообщали, что деньги на погашение кредита (897 руб.) будут выданы, как только епархиальное духовенство перечислит в духовную консисторию 25 % от сборов с церковью епархии. Служившие в КДС постоянно требовали за что-то заплатить: трое сторожей требовали повысить жалованье (получали 5 руб. в месяц) «ввиду крайней дороговизны жизни»; дьякон Завьялов – за хранение дома семинарского имущества; преподаватели, воспитатели, помощники инспектора ежегодно запрашивали доплату за совмещение должностей. Да и администрация, похоже, жила иллюзиями мирного времени: в марте 1917 г. планировала ввести должность духовника, пригласить преподавателя еврейского языка, оборудовать кабинет физики. Но все финансовые запросы отклонялись⁴⁴. Более того, Министерство вероисповеданий Временного правительства отменило «военные» надбавки преподавателям и предлагало выплачивать их из местных средств. 25 октября 1917 г. (!) из Кашинской семинарии телеграфировали в Москву: «Просьба выдать надбавки. Положение преподавателей критическое. Умоляем экстренно»⁴⁵.

⁴⁰ Там же. Л. 270.

⁴¹ Шкаровский М.В. Серафим (Чичагов) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2021. Т. LXII. С. 554.

⁴² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1542. Л. 140.

⁴³ Там же. Л. 58, 62, 114.

⁴⁴ Там же. Л. 1–3, 7, 93.

⁴⁵ Там же. Д. 1552. Л. 149, 174.

Действительно, дефицит средств на 1917 г. составлял 6 244 руб., из них 1979 руб. недополучила из ТДС. Пришлось воспользоваться остатками строительного капитала, частью прибыли свечного завода⁴⁶.

Строительство здания. Вспомним, что одновременно с описанными выше событиями велось строительство здания семинарии⁴⁷. Следует отметить, что варианты месторасположения и внутреннего устройства нового учебного заведения задолго до закладки первого камня обсуждались наряду с поисками средств на его открытие. Первый проект, составленный главным архитектором строительного отделения Тверского губернского правления В.И. Назариным ещё в 1910 г., был сильно изменён в сторону упрощения и удешевления. В окончательном варианте планировалось возвести трёхэтажное здание в неорусском стиле с актовым залом, 7-ю классами, квартирами для ректора и администрации (инспектора и двоих его помощников, надзирателя и эконома), спальни на 75 человек. Для бытовых нужд семинаристов планировалось в левой пристройке к основному зданию соорудить ватерклозет⁴⁸, а рядом с учебным корпусом возвести одноэтажные деревянные больницу и баню⁴⁹.

В спешном порядке и в бурных дискуссиях определялись с местом для стройки. К началу XX в. конфигурация города уже сложилась и наряду с проектированием приходилось задумываться об «уплотнении» пространства. В итоге все участники – заказчики и разработчики – единодушно договорились расположить семинарию «у алтарей Господних» – на территории Дмитровского монастыря, вблизи исторического центра Кашина, «отрезав» от него часть двора с хозяйственными постройками и огороды⁵⁰. Но и монастырское пространство оказалось тесным для семинарского комплекса, пришлось разобрать часть каменной ограды и две башни.

Закладка одного из самых крупных кирпичных сооружений города состоялась в день памяти великомученика Димитрия Ростовского (21 сентября 1913 по ст. стилю), такое совпадение не осталось незамеченным горожанами и воспринималось как добрый знак⁵¹. Архиепископ Антоний провозгласил в проповеди, что семинарии будет присвоено и размещено на вывеске имя «Вончаковская»⁵², но официального подтверждения не последовало, хотя это название осталось обиходным и использовалось даже в переписке с Синодом⁵³. Строительство велось вплоть до 1917 г.

⁴⁶ ТЕВ. 1918. № 13–18. С. 5; ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 79, 83, 93.

⁴⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 158.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 44.

⁴⁹ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Часть 5. М., 2023. С. 508.

⁵⁰ ТЕВ. 1913. № 40. С. 764; РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 143 об.

⁵¹ ТЕВ. 1913. № 40. С. 765.

⁵² Там же. С. 766; ГАТО. Ф. 575, Оп. 1. Д. 1545. Л. 66.

⁵³ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 187–188.

Кирпичное здание с парадным входом и множеством сдержанных украшений – арочных окон, крутой вальмовой крышей, карнизами, лучковыми перемычками, фризом с мотивом стилизованного «волчьего зуба» (орнамента с трёхгранной выемчатой резьбой) между первым и вторым этажами, парадной двухмаршевой каменной лестницей с чугунными узорчатыми перилами – представляло собой «образец рационалистического модерна с оттенком стилизации «национальных» мотивов»⁵⁴. Снаружи оно выглядело нарядным и добротным.

Однако уже частичный ввод в эксплуатацию обнаружил изъяны проекта и огрехи строителей.

Из письма архиепископа Серафима обер-прокурору А.Н. Волжину от 5 апреля 1916 г. следует, что для завершения строительства требуется новый проект и новая смета (общей стоимостью около 70 тыс.). Выделенных ранее средств не хватило на левое крыло здания, где планировалось разместить физический кабинет, помещение для образцовой школы, квартиру для учителей. К тому же церковь, устроенная по первому проекту в центре здания, не совсем церковь, а церковь-зала, мала и не может вместить всех семинаристов и находится рядом с их спальнями. По новому проекту церковь в левом крыле могла бы стать частью фасада, выходящего на город, и украсить здание семинарии⁵⁵. Ответ обер-прокурора на этот запрос не обнаружен.

1 июля 1916 г. Серафим телеграфирует Волжину (дословно, орфография и пунктуация сохраняется. – Т.Л.): «кашинской семинарии построенной по плану архитектора Андросова подвальной этаж в особенности кухня требуют полного переустройства неприемлемо но чрез два месяца воспитанники соберутся потому прошу немедленно командировать Андросова для решения перестройки»⁵⁶.

На этот раз Синод отреагировал оперативно. 8 июля 1916 г. комиссия с участием представителя Хозяйственного комитета провела обследование здания и установила: кухни КДС расположены в подвальном помещении, посудные помещения находятся через коридор, освещение везде слабое из-за маленьких окон, двери низкие, не установлены раковины для мытья посуды, нет отвода грязной воды, не доделан пол, нет вентиляции и вытяжки из туалетов, стропила не закреплены, и многое другое (акт обследования изложен на трёх больших листах)⁵⁷.

Ликвидировать выявленные изъяны так же оперативно не удалось. В ноябре 1916 г. архиепископ Серафим сообщает уже следующему обер-прокурору Св. Синода Н.П. Раевскому, что занятия в новом здании начались, но имеется много недоделок, главное – нет водоснабжения, воду для питья, ассенизации и парового отопления берут из пруда⁵⁸.

⁵⁴ Кириков Б.М. Указ. соч. С. 63; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. С. 513, 514.

⁵⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 390.

⁵⁶ Там же. Л. 379.

⁵⁷ Там же. Л. 383–384.

⁵⁸ Там же. Д. 178, 413, 414.

Следующая и последняя комиссия прибыла в Кашин 30 января 1917 г. Представители Хозяйственного комитета, инженеры и строители, епархиальное руководство и ректор семинарии провели экспертизу новостройки. Согласно составленному акту количество дефектов не только не сокращалось, но скорее нарастало раз от раза. Здание оставалось без левого крыла, в пристройке (её возвели взамен как временную) оказались необорудованными ватерклозеты (вместо 22 горшков установлены 15). Строители не установили насос в колодце, не возвели над церковью купол с крестом, крест с главкой на парадном крыльце, не остеклили и не окрасили перегородки, отделяющие церковь от коридора, не оштукатурили часть коридоров в подвале, не установили две ванны с водогрейными колонками, кран в уборной, два зонта над входами, вторую дверь в котельную, не провели водопровод в кухнях, не сделали три камина. Комиссия отмечала, что в целом здание построено добротно, но в трёх местах уже обозначились трещины, полы и двери в некоторых помещениях рассохлись, протекают трубы в бачках уборных, часть батарей не прогревается, пол котельной заливается водой и далее – перечень на целую страницу. Неблагоустроенной осталась территория: забор не поставили, двор не замостили. В итоге здание и прилегающую территорию не приняли⁵⁹.

Семинаристы. Между тем на фоне организационно-финансовых неурядиц с 1913 г. учебный процесс в КДС шёл своим чередом. В составе учащихся первого набора оказались юноши из Тверской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Новгородской епархий, их набирали по прошению родителей или опекунов. Здесь же оказались и второгодники из ТДС. Примуущества при зачислении получали выпускники кашинского и краснохолмского духовных училищ и дети-сироты, специально для них открыли 5 стипендий, а для воспитанников из малообеспеченных семей – 7⁶⁰. Ежегодно, учитывая бедственное финансовое положение КДС и постоянный приток малоимущих воспитанников, Учебный комитет Св. Синода увеличил количество мест со стипендиями⁶¹. Сиротам и нуждающимся семинаристам назначали материальную помощь и из епархиального благотворительного фонда, понемногу жертвовали в пользу бедных учеников иные из священников⁶².

В условиях сословно-иерархичного общества духовная семинария становилась «социальным лифтом» для детей духовенства, крестьян и дальше больше горожан (вспомним, что накануне открытия КДС, в июле 1913 г., был издан закон об отмене платы за обучение для детей всех сословий). Как отмечалось выше, духовные школы стали первыми в ряду реализующих все-сословный и бесплатный принцип обучения⁶³, не стала исключением и от-

⁵⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 404–405.

⁶⁰ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 43; Д. 1554. Л. 35, 44, 54. Д. 1545. Л. 85.

⁶¹ Там же. Д. 1552. Л. 148.

⁶² ТЕВ. 1914. № 7. С. 94.

⁶³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3231. Л. 4.

крывшаяся семинария. Как следует из ведомостей об успеваемости и поведении семинаристов, социальный состав обучающихся по состоянию на 1916–1917 г. был следующим:

Таблица 2

Учащиеся Кашинской духовной семинарии из семей

Классы	Священников, чел.	Дьяконов, чел.	Псаломщиков, чел.	Преподавателей ДУЗ	Мещан, чел.	Служащих канц. Заведений, чел.	Личных дворян,	Крестьян, чел.	Фельдшеров, чел.	Полицейских урядников, чел.	Почетных граждан, чел.	Почтальонов, чел.	Титулярных советников, чел.	Надворных советников, чел.
1	21	7	7	2				1	1	1		1		
2	12	6	6	3			1	2	1					2
3	24	6	12			2		2			1			
4	17	11	5		2			3	1	1	1		1	

Составлено по: ГАТО. Ф. 575. Оп.1. Д. 1546. Л. 1 об.–49.

Преобладание выходцев из духовного сословия очевидно, но примечательно другое: наряду с воспитанниками из крестьян, которые издавна обучались в духовных учебных заведениях для повышения социального статуса, заметен приток детей городских служащих.

Из характеристик, которые регулярно составлялись на обучающихся, следует, что в КДС оказались в большинстве малоспособные, нередко болезненные дети, с травматической памятью, неразвитой речью, «мало видевшие в жизни», из многодетных семей, но «... честные, скромные, религиозные»⁶⁴. Согласно заметкам семинарского врача, в каждой четверти учебного года в классах было по 5–6 неуспевающих по состоянию здоровья: кто-то из них получал направление на дальнейшее обследование, кому-то рекомендовалось усиленное питание (напр., бутылка молока в сутки), другим – дополнительные занятия с репетиторами и регулярное чтение. Однако среди них встречались и отъявленные лентяи, которых, впрочем, было немало и среди здоровых. Так или иначе, но по каждой дисциплине (!) учебного плана ежегодно назначались переэкзаменовки. Особенно трудными предметами для будущих священников считались Священное Писание, история, словесность⁶⁵.

Преподавательское сообщество, озабоченное текущей успеваемостью и результатами экзаменов за первый курс, не успело выработать единообразные меры воздействия на нерадивых подопечных. Началась Первая мировая война. Определением Св. Синода от 10 сентября 1914 г. ввиду сложностей военного времени и в случаях передачи помещений духовных учеб-

⁶⁴ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 10–10 об., 35 и др.

⁶⁵ Там же. Д. 1546. Л. 56 об.–59, 80–84.

ных заведений под лазареты допускался перевод части контингента на домашнее обучение, перенос занятий на вечерние часы и сокращение учебного года⁶⁶.

Наряду со сбоем в учебном процессе обнаружились сложности и по воспитательной части, чему в духовных школах традиционно уделялось большое внимание. Как и в других семинариях, в КДС собрать всех воспитанников под одной крышей не удавалось, в общежитии поселились немногие, остальные жили на квартирах или у родственников и находились практически вне контроля инспектора. Общежитие КДС/КДУ находилось на самой пыльной улице Кашина, двор был очень тесным, пришлось разрешить учащимся выходить на прогулки в город⁶⁷. Словом, кашинская семинария – без собственного учебного корпуса, общежития, при вынужденной мобильности воспитанников не вполне соответствовала статусу бursы как замкнутого сообщества. Но что отличало КДС на первых порах – достаточно сносное продовольственное снабжение и питание казеннокоштных учеников.

В довоенный период и в первом семестре 1914 г. питание было скромным, но сносным. В будни подавали символический завтрак: чай с белой булкой, по воскресеньям – пирог с ливером или капустой. Обеды отличались большим разнообразием: в обычные дни в меню значились мясные супы, жареное мясо с картофелем, рыба, в постные (трижды в неделю и в дни больших постов) мясные и рыбные блюда заменяли овощными или грибными супами, кашами, по вечерам подавали чай с черным хлебом, оладьи или горох с постным маслом. Иногда в меню появлялись селедка, винегрет, жареная печенка, рассольник⁶⁸. Но так воспитанники КДС благоденствовали недолго. Первые признаки надвигающего голода обнаруживались уже в 1915 г. А в 1916–1917 учебном году из кашинской городской управы ректору КДС поступило предписание: обязать воспитанников после рождественских каникул привезти с собой запас муки «ввиду бедственного положения» учебного заведения⁶⁹.

Война существенно повлияла на быт, настроения и поведение кашинских семинаристов. Иные из них под влиянием наставников активно поддерживали благотворительные акции, вместе с воспитанниками духовного училища проводили литературно-вокальные вечера, концерты, а средства от продажи билетов перечисляли в пользу благотворительного комитета великой княжны Татьяны⁷⁰.

Другие подались на войну добровольцами. Согласно «Ведомости о питомцах духовной школы принявших боевое участие во второй отечественной войне», в 1915–1916 гг. девять воспитанников вступили в ряды военнослужащих, трое – в офицерском звании, 6 – солдатами, один из них погиб.

⁶⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 261.

⁶⁷ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 128.

⁶⁸ Там же. Л. 145, 146, 162, 163, 165, 173.

⁶⁹ Там же. Д. 1552. Л. 199.

⁷⁰ Там же. Д. 1542. Л. 16.

Первыми в их ряду оказался ученик 2 класса, сын дьякона Николай Морев. После краткосрочной подготовки уже в сентябре 1915 г. он попал в артиллерийский запасной дивизион, затем переведён в запасной пехотный, где учил военному делу солдат, и постоянно хлопотал об отправке на фронт, «... чтобы сражаться за царя и Родину». Но его отец долго не давал благословения юному патриоту, и только летом 1916 г. Мореву удалось отправиться воевать. В октябре 1915 г. Николай Майоров, сын священника, отказался от школы прапорщиков и сразу получил назначение на фронт. Никольский Иринарх, сын дьякона, в октябре 1915 г. окончил военное училище, прапорщиком отправлен с полком во Францию. Соколов Василий, сын протоиерея, поступил в московскую запасную артиллерийскую бригаду⁷¹.

В январе 1916 г. их примеру последовали Богоявленский Димитрий, сын священника, успешный ученик, который не прошёл комиссию по зрению в военное училище, но был отправлен на позиции. Лавров Александр, сын мелкого чиновника из Кашина, ученик слабых способностей, поступил на краткосрочные курсы в московское военное училище, затем попал в запасной батальон. В феврале–марте уходят в военное училище Спиридонов Василий, сын крестьянина, и Алексеев Михаил, сын фельдшера. В апреле вольноопределяющимся сразу в полк уходит сын священника Владимир Радикорский. В 1917 г. оказался в действующей армии и Михаил Ветлицкий⁷². Решением Св. Синода за всеми добровольцами сохранялось право восстановления по окончании службы⁷³.

Оставшиеся в стенах семинарии, как «сознательные граждане... строят свободу». Уже весной 1917 г. в каждом классе они избрали ученический комитет и вступили в борьбу за свои права с администрацией. Начали с письменной просьбы допустить их представителя на заседания Правления и педагогических собраний. Пока члены Правления размышляли, появилось второе послание, где требования излагались уже в более категоричной форме с запросом официального письменного ответа. Так же безапелляционно прозвучал ответ Правления семинарии: надобности в выборах постоянного делегата нет, но при возникновении сложных ситуаций представителя семинарского сообщества обещали приглашать на переговоры⁷⁴.

Несмотря на значительную отдаленность даже от губернского центра, кашинские бурсаки присоединились к Всероссийскому союзу учащихся духовных учебных заведений и намеревались послать депутатов на всероссийский съезд учащейся молодежи⁷⁵.

Эпилог. После издания СНК в декабре 1917 г. постановления о передаче из духовного ведомства в гражданское всех церковных учебно-воспи-

⁷¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 591. Л. 1 об., 80.

⁷² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 1.

⁷³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора ... за 1914 год. С. 264.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 134, 135, 161.

⁷⁵ Там же. Л. 56.

тательных учреждений в ведение народного комиссариата по просвещению⁷⁶ служители церкви и преподаватели духовных учебных заведений отмечали: тяжесть этой утраты несравнима даже с потерей «миллионного достояния» всего церковного ведомства. Особое беспокойство вызывала отмена Закона Божьего⁷⁷.

В апреле 1918 г. Поместный собор постановил сохранить духовные училища и семинарии в ведении церкви. Опираясь на это решение и учитывая вызовы новой власти, Патриарх и Высший церковный совет по управлению РПЦ призвали «произвести в них необходимые улучшения» и «оградить духовную школу от посягательства на нее сторонних лиц и учреждений». Преподавательским корпорациям рекомендовалось немедленно принять превентивные меры: потребовать разъяснения механизма передачи/сохранения движимого недвижимого имущества (зданий, библиотек, учебного инвентаря и т. п.) и по возможности не прерывать учебный процесс. Высшее руководство церкви надеялось на содействие местных епархиальных собраний духовенства и мирян⁷⁸. В мае высшее церковное руководство запросило от епархиальных владык планы улучшения деятельности всех духовных школ России, выработанные «педагогическими корпорациями совместно с родительскими комитетами». В Тверской епархии центром обсуждения модели обновления духовного образования становится Тверская духовная семинария, педагогическое собрание которой высказалось о «желательно меньшей опеке над учащимися», пользе ученических (по классам) и обще-семинарского советов и более того – о «праве учащихся на участие в политической жизни на основании возраста». Общественно-политическое воспитание предлагалось вести через чтение и обсуждение книг, посещение специальных лекций преподавателей. Следует отметить, что примерно такие же предложения поступили в Синод и от других семинарий⁷⁹.

Однако судьба духовных школ в новой России была предрешена: 1917–1918 учебный год стал последним для большинства из них. В числе первых оказалась закрытой и Кашинская семинария: уже в декабре 1918 г. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов г. Кашин издал распоряжение о передаче ее в «отнароб» (отдел народного образования) и переименовании в 1-ю Кашинскую Советскую Школу 2-й ступени⁸⁰.

Кашинская духовная семинария, пожалуй, единственная в Российской империи с такой короткой и сложной «биографией». Процесс её организации растянулся почти на четверть века, а реальная деятельность ограничивается пятью годами. С конца 1880-х гг. до 1918 г. сменилось 6 тверских архиереев, 11 обер-прокуроров Св. Синода. Но утвердить семинарию в статусе самостоятельного учебного заведения так и не удалось. В бытовой речи,

⁷⁶ Русская церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы / отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996. С. 21–22.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1299. Л. 1.

⁷⁸ ТЕВ. 1918. № 24–28 (30.06–15.07). С. 12–13.

⁷⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 269. Л. 47–48; Д. 243. Л. 4–18.

⁸⁰ ГАТО. Ф.Р-232. Оп. 3. Д. 8. Л. 11.

в деловой переписке, в церковной прессе она именовалась семинарией. Но в последнем опубликованном отчёте обер-прокурора Св. Синода в списках учебных заведений упоминались лишь «семинарские классы при Кашинском духовном училище»⁸¹. Однако, несмотря на короткий срок деятельности и отсутствие полного выпуска, КДС оставила след в церковной истории. Потребность городских слоев в образовании нарастала. Как никакое другое учебное заведение в Тверской губернии, КДС воплощала принцип всеобщности. Отсутствие базового образования (ДУ) у значительной части воспитанников не помешало иным из них достичь «профессиональных» высот. К примеру, в числе известных студентов КДС – будущий архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Сергей Николаевич Ярославский)⁸².

Не менее важно отметить, что документный корпус, привлечённый к данному исследованию, среди прочего отражает важные нюансы поведения низового епархиального духовенства в рассматриваемый период, нарастание в его рядах напряжённости, обострения внутрицерковной конфликтности, усугубленной войной и начавшейся революцией. Закалённое сопротивлением епархиальным архиереям и стоявшим за ними бюрократическим структурам Св. Синода в решениях «семинарского вопроса», в феврале–марте 1917 г. оно выплеснуло своё недовольство на действующего владыку Серафима (Чичагова)⁸³ и обнаружило редкостную солидарность, добиваясь его отстранения от управления епархией. Несправедливые (на мой взгляд) нападки на правящего архиерея заслонили не только от современников, но и от историков его истинную роль в развитии духовного образования в Тверской епархии.

Список литературы:

1. Зонтиков Н.А. Кассиан (Ярославский) // Православная энциклопедия. М., изд-во Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. Т. XXXI. С. 520–521.
2. Иларион (Алфеев), иером. Православное богословие на рубеже столетий. М., Крутицкое подворье, 1999. – 426 с.
3. Кириков Б.М. Кашин. Л., изд-во «Художник РСФСР», 1988. – 224 с.
4. Рогозный П.Г. Церковная революция. 1917 год. СПб., изд-во «Лики России», 2008, 224 с.
5. Шкаровский М.В. Серафим (Чичагов) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., изд-во Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. Т. LXII.

Об авторе:

⁸¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1914 год. Приложение. С. 63.

⁸² Зонтиков Н.А. Кассиан (Ярославский) // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. XXXI. С. 520–521. Коркунов В.И. «Это было, было...». Краеведческие очерки. Тверь, 2008.

⁸³ См. подробнее: Рогозный П.Г. Церковная революция. 1917 год. СПб., 2008. С. 98–110.

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31); e-mail: kroneko@mail.ru

«Laid in the sand»: Kashinsky Theological Seminary of the Tver Diocese in 1913–1918 according to the documents of the Russian Academy of Sciences and the GATO (part 2)

T.G. Leontieva

Tver State University, Tver, Russia

Based on the documents of the funds of the Educational Committee and the Chief Prosecutor of the Holy Synod (Russian State Historical Archive, RGIA), journals of meetings and presentations of the pedagogical assemblies of the Tver Theological Seminary, office correspondence, journals and minutes of diocesan congresses of the Tver clergy and church elders (the State Archive of the Tver Region, GATO), publications of "Tver The activities of Kashinsky Theological Seminary, the second in the Tver diocese, are restored in chronological order. The role of the Tver archbishops and the Tver clergy in the formation of a new educational institution, the organization of the educational process, and the way of life of seminarians are shown. This topic has not been reflected in historiography, a significant part of archival documents is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Tver Diocese, Kashin, Kashinsky Theological Seminary, Tver Theological Seminary, Archbishop Anthony (Karzhavin), Archbishop Serafim (Chichagov), Holy Synod, merchants of the Wonchakovs.

About the author:

LEONTIEVA Tatiana Gennad'evna – the Doctor of History, the Professor, the Dept of Russian History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References:

- Zontikov N.A., *Kassian (Yaroslavskij)*, Pravoslavnaya enciklopediya, M., izd-vo Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2013, T. XXXI. S. 520–521.
- Ilarion (Alfeev), ierom., *Pravoslavnoe bogoslovie na rubezhe stoletij*, M., Krutickoe podvor'e, 1999. – 426 s.
- Kirikov B.M., *Kashin*, L., izd-vo «Hudozhnik RSFSR», 1988. – 224 s.
- Rogoznyj P.G., *Cerkovnaya revolyuciya. 1917 god*, SPb., izd-vo «Liki Rossii», 2008. – 224 s.

Shkarovskij M.V., *Serafim (Chichagov)*, Pravoslavnaya enciklopediya, pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla, M., izd-vo Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2021. T. LXII.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.